

УДК 347.193.4

DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-5

Пенская Т.М. | Почему Россия смогла?
(к онтологии имперскости в русском историческом
самосознании)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *penskaya@bsu.edu.ru*

Аннотация. В последние десятилетия в России и за ее пределами получило популярность изучение ее истории через призму "имперского" дискурса. В рамках т.н. "имперских исследований" российскими и зарубежными исследователями рассматриваются самые разные аспекты развития ее политических и общественных институтов и отношений в самой России, особенности ее взаимодействия с соседними народами и другие вопросы, многие из которых были поставлены на повестку дня бурными событиями конца XX – начала XXI столетий. Правда, в отличие от прежней "имперской истории", которая была сосредоточена на изучении проблем, связанных прежде всего с историей политической и военной, нынешняя "новая имперская история" большее внимание уделяет вопросам, ранее не приоритетным – истории культуры, повседневности, гендера и пр. Вместе с тем имперский статус России как в "старой", так и в "новой" "имперской истории" продолжает восприниматься как некая данность, существовавшая всегда. Исследований, в которых рассматривались бы проблемы обретения Россией имперского статуса, немного. В данной статье автор предлагает обратиться к этому вопросу и предлагает свой ответ на вопрос – почему Россия, не имевшая формально объективных предпосылок к обретению имперского статуса, тем не менее, смогла не только завоевать его, но и сохранить себя в качестве великой державы на последующие столетия

Ключевые слова: Позднее Средневековье; раннее Новое время; государство; право; общество; империя; Европа; Россия

Для цитирования: Пенская Т.М. Почему Россия смогла? (к онтологии имперскости в русском историческом самосознании) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 50-68. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-5

T. M. Penskaya | Why was Russia able to do it?
(toward the ontology of imperialism in Russian historical
self-consciousness)

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskaya@bsu.edu.ru

Abstract. In recent decades, the study of Russia's history through the prism of "imperial" discourse has gained popularity in Russia and abroad. Within the framework of the so-called "imperial studies", Russian and foreign researchers consider various aspects of the development of its political and social institutions and relations in Russia

itself, the specifics of its interaction with neighbouring nations and other issues, many of which were put on the agenda by the turbulent events of the late twentieth and early twenty-first centuries. However, unlike the previous "imperial history", which focused on the study of problems related primarily to political and military history, the current "new imperial history" pays more attention to issues that were not prioritised before – the history of culture, everyday life, gender, and so on. At the same time, Russia's imperial status in both the "old" and "new" "imperial history" continues to be perceived as a given that has always existed. There are few studies that address the problems of Russia's acquisition of imperial status. In this article, the author proposes to address this issue and offers her answer to the question – why Russia, which did not have formally objective prerequisites for acquiring imperial status, nevertheless managed not only to win it, but also to preserve itself as a great power for the following centuries.

Key words: Late Middle Ages; Early Modern; state; law; society; empire; Europe; Russia

For citation: Penskaya T.M. (2023), "Why was Russia able to do it? (toward the ontology of imperialism in Russian historical self-consciousness)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 50-68, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-5

Почему Россия смогла стать империей и сохранить, несмотря на все политические и социальные пертурбации Нового и Новейшего времени, статус если и не великой державы, то, во всяком случае, одного из ведущих игроков на мировой политической сцене, в отличие от многих других бывших великих держав, которые не только утратили свой статус, но и в значительной степени политическую субъектность? Вопрос отнюдь не праздный, принимая во внимание современные реалии, и имеющий злободневное не только чисто политическое, но и социо-культурное звучание, почему «имперский дискурс» в изучении российской истории Нового и Новейшего времени сегодня более чем популярен и характеристика историографии проблемы, отечественной и зарубежной, легко может вы-

литься в монументальной по объему исследование¹. Не случайно один из ведущих отечественных специалистов по «имперскому дискурсу» А.И. Миллер отмечал, что с начала 90-х гг. минувшего века число больших и малых исследований о России как империи неизмеримо выросло², так что составить обобщающий труд, подобный исследованиям А. Каппелера (1992, рус. перевод 2000 г.) или Д. Ливена (2000, рус. перевод 2007), сегодня представляется крайне сложным, если вообще возможным. Стоит обратить внимание, что Россия и империя соотносятся едва ли не как синонимы, при этом созвучность эта воспринимается как некая аксиома – настолько очевидная, что будто и обсуждать нечего, поскольку это и так всем известно.

¹ Краткий обзор наиболее значимых последних работ по теме см., например: (Имперский поворот..., 2019).

² Достаточно указать, что имперские штудии в России популярны настолько, что им посвящен отдельный российско-американский исторический журнал *Ab Imperio*, который выходит ежеквартально с 2000 г. Отметим также немалый вклад и в издание

исследований, затрагивающих самые разнообразные аспекты «новой имперской истории» России, издательства «Новое литературное обозрение», в котором регулярно выходит в свет как переводные работы по имперской тематике Р.Д. Круза (2020), Р. Мальте (2020) Ш. Сартори (2019), так и отечественные – Е.Н. Марасиновой (2017), Е.М. Болтуновой (2022) и др.

Показательной в этом отношении является книга известного американского русиста и специалиста по истории Российского государства и общества раннего Нового времени Н.Ш. Коллманн «Россия и ее империя. 1450-1801» (Kollmann, 2017. Русский перевод: Коллманн, 2023). Рассматривая процесс государственного строительства в России с середины XV в. (с того самого времени, когда, согласно концепции *la longue durée* Ф. Броделя и начался «долгий XVI век», составивший большую часть раннего Нового времени), Коллманн видит преемственность в политике последних Рюриковичей и первых Романовых на московском, а затем и на петербургском тронах. «В задачи правителей России – великих князей до 1547 года, царей до 1721 года, императоров после этой даты – входило расширение территории государства для приобретения производительных ресурсов (людских и материальных) и поддержание стабильности, достаточной для того, чтобы мобилизовывать приобретенные ресурсы» (Kollmann, 2017: 1).

Характеризуя приемы и методы строительства империи русскими государями, исследователь не только исходит из того, что в действиях московских и петербургских монархов просматривается определенная преемственность, но и ставит Российскую империю (в ее московском и петербургском «изводах») в один ряд с другими великими континентальными империями раннего Нового времени – «империями различий», такими, как Османская, Могольская, Сефевидская, Цинская и Габсбургская («в империях, о которых идет речь, обнаруживаются одни и те же военные технологии, методы делопроизводства, языки, коммуникационные сети, идеология и подходы к управлению, основанные на уважении к различиям» (Kollmann, 2017: 2)).

Между тем путь России к империи и к статусу великой державы был далеко не прост, особенно если принять во внимание

явное несоответствие объективных реалий и предпосылок официальным и неофициальным декларациям (достаточно указать хотя бы на знаменитую «доктрину» «Москва – Третий Рим», которая родилась в церковных кругах в начале XVI в. и многими исследователями рассматривается как своего рода внешнеполитическая «программа» московских государей раннего Нового времени). В процессе имперского строительства русским государям «приходилось сталкиваться со всевозможными проблемами». При этом «главной из них были расстояния,.. к которым добавлялись яростные бунты, постоянное бегство податного населения, сопротивление элит некогда суверенных государств» (Kollmann, 2017: 1). Однако эти проблемы являются, по большому счету, общими для всех континентальных раннемодерных империй – едва ли не классическим примером может служить противостояние Эскориала и Нидерландов во второй половине XVI – первой половине XVII вв., когда Филипп II и его преемники столкнулись и с расстояниями, этим подлинным проклятием ранних империй, и с сопротивлением местных элит, и с яростным бунтом, накал которого подогревался религиозными противоречиями.

Однако наряду с этими общими для всех раннемодерных «лоскутными империй»³ проблемами у империи Российской были и свои собственные. Упомянутая Н. Коллманн писала о них в другой своей, более ранней, чем «Россия и ее империя», работе (Kollmann, 2012. Русский перевод: Коллманн, 2016). Сравнивая Российскую империю с другими раннемодерными «империями различий», исследовательница подчеркивала, московские, а затем и петербургские власти не только сталкивались с «проклятием империей», которое усугублялось традиционной для России неразвитостью внутренней инфраструктуры, но к этой традиционной проблеме добавлялись

³ Термин П. Шоню, который полагал раннее Новое время временем именно таких сшитых на живую нитку политических образований (Chaunu, 1966: 39).

суровый климат (не будем забывать о том, что процессы имперского строительства в России происходили на фоне так называемого «малого ледникового периода», что для России как страны с аграрной экстенсивной экономикой имело особенно негативные последствия. – Т.П.), острая нехватка не только образованных, но даже просто грамотных людей, общая малонаселенность страны, ее относительная бедность ресурсами и пр. (Kollmann.2012: 27, 416, 417, 535) Отмечая эти проблемы, Коллманн, тем не менее, ограничилась указанием на них, никак не касаясь их влияния на процессы имперского строительства в сравнительно-историческом разрезе. Ставя Россию в один ряд с другими раннеמודерными континентальными империями, рано или поздно задаешься вопросом: стартовые позиции, с которых начиналось строительство империи в османском, в могольском, в габсбургском или иных случаях, были несравненно более благоприятными, чем в русском, а вот результаты оказались разными. Почему же так получилось, и почему Россия смогла сохранить свой статус, а другие раннеמודерные империи – нет? Попробуем сформулировать свой ответ на этот вопрос.

Принимая тезис, выдвинутый Н. Коллманн относительно сохранения преемственности в политике между московским царством и петербургской империей, рассмотрим начальный этап формирования России как государства имперского типа. Этот начальный этап приходится на русский «долгий XVI век», отсчет которого можно начинать с момента окончания «Войны из-за золотого пояса» между Василием II и его дядей Юрием Дмитриевичем и племянниками Юрьевичами и подписания Яжелбицкого договора между Москвой и Новгородом, а финальной точкой можно полагать земский собор 1649 г. и принятие Соборного уложения. В эти два столетия закладывались основы тех политических, социальных, культурных, идеологических и иных механизмов и институтов, которые и сделали Россию империей.

Далее мы будем исходить из того, что раннеמודерные государства, которые по традиции принято именовать еще «централизованными», на деле были далеко не столь централизованными и внутренне сплоченными. Они таковы на фоне своих рыхлых и неконсолидированных средневековых предшественников с их «фрагментированным суверенитетом» (Ч. Тилли (Tilly, 1990: 21)), полицентризмом и дисперсией власти (Цатурова, 2019: 115). Тем не менее, преувеличивать степень «централизованности» раннеמודерных государств все же не стоит (Kollmann, 2012: 2). Процесс формирования раннеמודерных государств носил ярко выраженный эволюционный характер – новое медленно прорастало сквозь «старину», которая еще долго оставалась фактором, определявшим логику и вектор действий как власти, так и общества. Этому в немалой степени способствовал консерватизм мышления и вообще менталитета раннеמודерного социума на всех его уровнях (хотя, несомненно, во время Ренессанса с его гуманистической и «нищепанской» идеологией правящие элиты были менее скованы требованиями «старины», чем низы).

Такой общий настрой общества на сохранение и воспроизводство «старины» был обусловлен тем, что раннеמודерное общество при всех его растущих отличиях от средневекового оставалось аграрным обществом «Первой волны» (Э. Тоффлер) с присущими ему патриархальностью, господством авторитета, приверженностью к обычаю и отрицанием необходимости каких-либо радикальных перемен. Такие социумы, которые, как подметил К. Леви-Стросс, можно назвать «холодными», «стремятся, благодаря институтам, к которым они привязаны, аннулировать, квазиавтоматически, то действие, что могли бы оказать на их равновесие и непрерывность исторические факторы». Когда же перемены, несмотря на противодействие, оказываются необходимыми, то «холодные» общества «желают его [неизбежный процесс изменений основ жизни] игнорировать

и пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считаемые ими “первичными” относительно своего развития (курсив мой. – Т.П.)...» (Леви Стросс, 2008: 439). «Мы старины не рушаем, а новины не уводим» (Lietuvos Metrica, 2007: 170) – под этими словами великих литовских князей могли бы подписаться многие, если не все, раннемодерные государи.

Переломить этот востребованный социумом тренд на сохранение и воспроизводство «старины» было возможно при условии, что, во-первых, сама власть стремилась к этому, а во-вторых, она обладала не только волей, но и необходимыми инструментами для реализации своего плана по отказу от воспроизводства «старины». Однако и с первым, и со вторым были определенные проблемы, в особенности с последним. Если предположить вслед за М. Чернявским, что тот же Иван Грозный, как ренессансный князь, воплощал в своей персоне «ренессансный сплав двух направлений мысли и чувства: идеи государя, жестокого в своей функции правителя, гарантирующего посредством беспощадного террора справедливость и порядок в мире слабых и злых людей и развивающихся сильных централизованных монархий; и идеал внушающей благоговение свободной личности, независимой от старых стандартов, стоящей выше человеческого закона и независимой от божественного закона в мире, где можно было рассматривать и использовать любые средства для достижения бессмертия» (Cherniavsky, 1968: 210-211), то неизбежно встает вопрос о том, располагал ли ренессансный князь соответствующим инструментарием для достижения своей цели?

Ответ на этот вопрос применительно к «долгому XVI веку» стоит признать отри-

цательным. Процесс формирования соответствующих «жил власти» (*sinews of power* – см., напр., (Brewer, 1989)), под которыми мы понимаем вслед за Н. Коллманн «новые налоги и бюрократические институты, учреждаемые для территориального управления, сбора податей и мобилизации людских и материальных ресурсов», а также новые кодификации права и централизованные судебные системы вкупе с мерами по политической и идеологической (религиозной) консолидации общества вокруг монархии и династии (Kollmann, 2012: 1-2), явно был не одномоментным, но существенно растянутым во времени. При этом процессы формирования новой властной инфраструктуры на разных ее уровнях протекали с разной скоростью – А.А. Смирнов еще тридцать лет назад отмечал, что если брать в качестве примера формирование Русского централизованного государства, то в военной сфере эта централизация прошла быстрее и успешнее всего и уже к концу XV в. в общем и целом была завершена (Смирнов, 1994: 34-38). Этого нельзя сказать о централизации политической и тем более юридической – здесь путь к созданию единой властной инфраструктуры оказался более сложным и неоднозначным. Применительно к России ликвидация удельной системы (которая проводилась отнюдь не целенаправленно, но явочным порядком – и Иван III, и Василий III, и Иван IV, борясь с удельной стариной, выступали не против системы, но против конкретных личностей) была в общем закончена столетием позже завершения централизации военной, к концу XVI в., а юридическая централизация приобрела необратимый характер⁴ лишь с принятием знаменитого Соборного уложения 1649 г.

В результате на протяжении всего русского «долгого XVI века» в отношениях между властью и обществом функциониро-

⁴ Необратимый, хотя и незаконченный в силу того, что раннемодерная Россия, как уже было отмечено, была типичной «империей различий» и сохранила это свойство до самого конца своего существования.

См., например: (Северный Кавказ в составе Российской империи, 2007; Западный окраины Российской империи, 2006; Центральная Азия в составе Российской империи. 2008 и др.).

вала своеобразная система взаимоотношений, которую К.В. Петров характеризовал в следующих выражениях: «Возможности российского государства (как институционального образования) в XVI – XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе». И далее историк подчеркивал, что «слабой была не власть Ивана III или Василия III над своими боярами, относительно *слабым было государство в возможности осуществлять меры принуждения в отношении населения* (курсив мой. – Т.П.)...» (Петров, 2008: 376).

Итак, одна из главных проблем, с которой сталкивались власти раннемодерных государств – это институциональная слабость, неадекватность имевшихся в распоряжении верховной власти инструментов тем целям и задачам, которые им приходилось решать. Между тем сложность (и стоимость) этих задач возросла существенно по сравнению со временами Средневековья. К середине XV в. Европа в общем сумела оправиться от последствий тотального кризиса, в который она медленно вползала, начиная с первой половины XIV в., и который достиг своего апогея в середине – третьей четверти XIV в., когда субконтинент оказался под ударом сразу всех четырех всадников Апокалипсиса – Чумы, Голода, Войны и Смерти. Завершение кризиса ознаменовалось началом медленного подъема в экономической и в демографической сферах. Главным зримым следствием подъема стало переформатирование средневековой мир-экономики, основанной на одновременном сосуществовании двух подсистем, средиземноморской и фламандско-ганзейской, в раннемодерную, основанную на соединении этих двух отдельных экономических и финансовых «блоков», в единую систему, центр финансовой и экономической (а следовательно, и политической) активности которой к исходу «долгого XVI века» сместился из Средиземноморья на Северо-

Запад Европы (Валлерстайн, 2015: 78-79; Chaunu, 1966: 38).

В политической сфере признаком завершения кризиса и перехода к новой фазе развития стало, по словам того же И. Валлерстайна, появление во второй половине XV в. «великих восстановителей внутреннего порядка в Западной Европе: Людовика XI во Франции, Генриха VII в Англии, Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской в Испании». Их успешная деятельность была обусловлена стабилизацией в финансовой сфере, а эта последняя достигалась «путем энергичного формирования гражданской и военной бюрократии, достаточно сильной для внедрения системы налогообложения, которая требовалась для финансирования еще более мощного государственного аппарата» (Валлерстайн, 2015: 33). Система получила необходимый импульс для развития, причем стала самоподдерживающейся – совершенствование «жил власти», накачивание властной «мускулатуры» позволяли верховной власти получить в свое распоряжение существенно большие ресурсы, чем прежде, обратив их на решение тех проблем, которые полагались важными и значимыми.

Совершенствование властной инфраструктуры, которое позволяло монархам раннего Нового времени мобилизовать и использовать большие, чем прежде, ресурсы, открыло пред ними новые перспективы для экспансии, прежде всего территориальной. Любопытное наблюдение сделал С.Д. Домников. Он отмечал, что в традиционных социумах верховный правитель выступал как «собиратель земель, расширение территории – это функция власти в аграрных обществах. Колонизационная природа земледельческой цивилизации порождает и колонизационный характер внешней политики аграрного государства. *Власть – от земли; чем больше земли, тем больше власти и силы* (курсив мой. – Т.П.)...» (Домников, 2002: 380-381).

Мы не случайно выделили в этой фразе именно концовку – в традиционных

обществах с экономикой, близкой к натуральной, в первую очередь именно земля (или ее экономические аналоги) рождает влияние, авторитет и, в конечном итоге, власть (Джонсон, Эрл, 2017: 292-299; Салинс, 2018: 18-41). Больше земли, больше ресурсов, больше власти, отсюда и стремление традиционных обществ и политий «Первой волны» к территориальной экспансии. В условиях, когда расширенное воспроизводство проще обеспечить посредством экстенсивного развития, она становилась неизбежной. Применительно к нашему случаю первой виток такой экспансии пришелся на эпоху классического Средневековья (которое совпадает по времени со средневековым климатическим оптимумом) (Bartlett, 1993), однако был прерван наступлением кризиса середины XIV в. (и снова начало кризиса примерно совпадает с началом «малого ледникового периода»), а к концу XV в. начался новый этап экспансии, направленный преимущественно вовне (ибо внутри самой Европы, если не считать ее периферии, территорий, которые можно было захватить или колонизировать, к тому времени практически не осталось). Как результат, процесс формирования первых колониальных заморских империй – прежде всего португальской и испанской. Собственно говоря, эта вторая волна экспансии и привела к формированию тех самых «лоскутных» раннемодерных империй, о которых писал П. Шоню.

А что происходило в это время в Восточной Европе? Раннее Средневековье в регионе ознаменовалось формированием Древнерусского государства, которое вплоть до середины XII в. (или даже до конца столетия) доминировало здесь на политической сцене. Однако с началом нового XIII столетия ситуация начала меняться, и не в лучшую для Руси сторону. Первая треть XIII в. Руси – это не только «золотая осень», но и «темное время», закат цивилизации, сложившейся во времена средневекового климатического оптимума, начало глубокого кризиса, который постепенно принял всеобъемлющий характер и

затронул все сферы жизни средневекового русского государства и общества (Макаров, 2003: 5-11; Феннел, 1989). Ордынское вторжение окончательно добило Древнюю Русь – не имея ресурсов для восстановления «старинны» во всей ее полноте, русское общество после нашествия архаизировалось. В известном смысле можно говорить о том, что во второй половине XIII в. на смену «Гардарике», Руси городов, пришла «Аграрика», Русь деревенская с соответствующими изменениями в политической, социальной, экономической и культурной сферах. Эти перемены выразились для Северо-Восточной Руси, с одной стороны, в начале экономического подъема (и связанного с ним демографического роста), затронувшего прежде всего именно аграрный сектор экономики (так называемый «взлет на холмы» в ходе расширяющейся внутренней колонизации), а с другой – завершение процесса складывания «служилой» организации общества (первая половина XIV в.) и последующего складывания системы вотчинного землевладения и землепользования (Чернов, 2008: 16-30).

Аграризация и архаизация Северо-Восточной Руси имела далеко идущие последствия. Стартовые условия, в которых тамошним Рюриковичам (московского и тверского домов в первую очередь, поскольку именно они выступают в качестве главных действующих лиц в борьбе за власть и доминирование на политической сцене региона в первой половине XIV в.) пришлось начинать свою деятельность по организации территориальной экспансии с последующим освоением благоприобретенных новых территорий, были не в пример хуже, чем у монархов Западной Европы. Еще в середине XIX в. С.М. Соловьев писал по этому поводу, что «природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной Европы, для народов, которым суждено было здесь действовать – мачеха» (Соловьев, 1991: 8). Суровый и неустойчивый климат, малопродуктивные (по преимуществу) почвы, скудость минеральных ресурсов, в первую очередь металлов,

регулярные эпидемии, редкое и рассеянное на огромной территории население (для Северо-Восточной Руси, да и для Северо-Западной тоже, были характерны деревни-малодворки), неразвитая инфраструктура, отсутствие широкого и удобного выхода к морю, пребывание на экономической, политической и культурной периферии равно Европы и Азии – все это накладывало серьезные ограничения на размах и масштабы политической активности русских князей.

Однако нельзя не упомянуть и о влиянии ряда социокультурных факторов, причем влиянии негативном, степень которого недооценена в отечественной и тем более зарубежной науке. Культурная периферийность средневековой русской цивилизации, обусловленная ею архаичность и ярко выраженная консервативность русской культуры и общественного сознания, коллективного бессознательного, во многом были связаны с особенностями механизмов рецепции византийского культурного наследия на Руси в предшествующие столетия и формирования соответствующей традиции, той самой «старинны», которая почиталась едва ли не как святая и подлежала безусловному воспроизводству.

Безусловно, отрицать значительное влияние византийской культуры на формирование культуры русской было бы бессмысленно – Византия выступала по отношению к Руси на протяжении нескольких столетий культурной метрополией. Однако вопрос относительно того, каким было византийское культурное влияние и насколько велико оно было, остается открытым. С.С. Аверинцев писал в свое время, что византийцы были искренне убеждены в том, что их государство, «по критериям собственного самосознания, внутри этого самосознания достаточно логичным, связным и убедительным, не то что первое в мире, а единственное в мире... Критериев всего три: во-первых, это правильно – православно – исповедуемая христианская вера; во-вторых, это высокоцивилизированный стиль государственной и дипломатической практики (курсив мой. –

Т.П.), дополняемый литературной и философской культурой античного типа; в-третьих, это законное преемство по отношению к христианскому имперскому Риму Константина Великого» (Аверинцев, 2005: 321).

Из этих трех критериев мы не случайно выделил именно второй, касающийся византийской традиции организации административной деятельности, унаследованной ромеями от «Ветхого Рима». В домонгольской Руси эта традиция воспринята не была, судя по всему, практически никак. Если в той же Западной Европе, используя выражение В.М. Живова, «римская прививка» подействовала в полной мере и даже в пресловутые «Темные века» бюрократия и связанный с нею документооборот художественно существовали, а со временем получили развитие, то на Руси ничего этого не было. Та же письменность, как отмечал С. Франклин, существовала здесь длительное время в двух непересекающихся сферах – церковной (книжность церковного круга, включая не только богослужебную литературу, но и летописи) и обыденной, повседневной (которая нашла свое отражение в знаменитых берестяных грамотах). Административная же письменность, которая использовалась властью, развивалась, по сравнению с церковной и обыденной, замедленными темпами.

Поясняя причины этого явления, исследователь писал далее, что «заторможенное усвоение на Руси формальной административной письменности объясняется относительной надежностью и – одновременно – устойчивостью традиционных способов общественного контроля», ибо «способы регулировать поведения людей, эффективные и весьма изощренные, вполне могли поддерживаться традицией, не предполагая обязательного обращения к формальным операциям с письмом». Эта особенность развития административной сферы и механизмов, с нею связанных, по мнению историка, с которым мы согласны, «указывает на устойчивость традиционных социальных отношений, на осознанную

обществом функциональную адекватность традиционных способов поведения без участия письменности, на самодостаточность традиции (курсив мой. – Т.П.) и ее сопротивление тем типам структурных перемен, какие могли бы потребоваться при "логическом" (в духе Византии), узаконенном использовании технологии письма» (Franklin, 2004: 185, 277, 279. Ср.: Clanchy, 1993: 41). Примерно к тем же выводам пришел и А.И. Груша, изучавший процессы внедрения письменных практик в административную традицию Великого княжества Литовского в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени (Груша, 2019). (Подчеркнем, что бывшие земли Древнерусского государства составили большую и наиболее «продвинутую» в культурном отношении часть этого политического образования, вместе с тем являясь своего рода «заповедником» древнерусских политических, административных и юридических практик). И по всему выходит, что развитие в Северо-Восточной Руси административных практик, опирающихся на все более широкое применение письменности, было связано с влиянием Золотой Орды.

Подведем предварительные итоги: с каким «наследством» Русская земля вступала в раннее Новое время, в эпоху экспансии и создания империй? Перед нашим взором предстает слабо заселенная и освоенная обширная территория. С.М. Каштанов приводит данные, согласно которым на конец XV в. в Русском государстве проживало около 2,1 млн. чел, тогда как во Франции – в 6-7 раз, в Италии – в 4,5-5, в Германии – в 4,5-8 раз больше (Очерки демографической истории России, 2022: 77). Редкое население разбросано по множеству небольших деревенок, немного городов опять же с немногочисленным населением и, соответственно, с неразвитой городской культурой, с архаичной и крайне консервативной культурой (в том числе и административной) и менталитетом, причем как «вверху», так и «внизу». Добавим к этому

уже упомянутые не слишком благоприятные природно-климатические условия и периферийное расположение Руси по отношению к центрам тогдашней культуры. Единственным преимуществом молодого Русского государства перед западноевропейскими соседями было лишь то, что, с одной стороны, непосредственные соседи России по региону, та же Литва или Крым, от нее мало чем отличались. С другой стороны, в отличие от Западной и Центральной Европы, где границы за прошедшие столетия более или менее устоялись, в Европе Восточной они были расплывчаты, так что экспансия была облегчена.

Тем не менее, при таких неблагоприятных стартовых условиях, Русское государство включается в имперскую гонку и к исходу XVI в. сомневаться в том, что оно становится империей, не приходится, хотя оно по-прежнему уступает Франции, империи Габсбургов, в пределах которой никогда не заходило солнце, и той же Османской империи. Примечательно, что XVI в. в Восточной Европе проходит под знаком столкновения двух имперских проектов – русского и крымского, и в напряженной борьбе Москва одолела Бахчисарай и поставила крест на золотой мечте постордынских татарских элит возродить Ордынскую империю в ее прежнем величии. Однако, возвращаясь к русскому имперскому проекту, который развился из идеи возвращения так называемого «Ярослава наследия», утраченного во второй половине XIII – начале XV вв. во время безудержной экспансии Великого княжества Литовского (и при великом князе Витовте Литва на время превратилась в главную политическую силу в Восточной Европе, которая безусловно доминировала здесь, имея в подручниках северо-восточных русских князей и поставляя на стол ханов Золотой Орды), отметим, что в начале этого пути, на заре правления Ивана III, вряд ли кто-либо мог предположить, что Москва в не столь отдаленном будущем превратится в одно из сильнейших государств Восточной Ев-

ропы. И то изумление, с которым европейскими монархами было встречено появление России на европейской политической сцене в конце XV – начале XVI вв., было вполне понятно, ибо для того чтобы стать империей, Россия не обладала необходимыми объективными предпосылками – ни финансовыми, ни материальными, ни экономическими, ни людскими, ни интеллектуальными, ни культурными. И все-таки это случилось – почему?

Прежде чем сформулировать наше видение ответа на этот вопрос, сделаем шаг назад и посмотрим, в чем заключались особенности политического устройства ранне-модерных европейских государств. Отмеченные ранее эволюционность трансформации средневековых государств в ранне-модерные и институциональная слабость последних обусловили сохранение в их политическом, административном, правовом и ином устройстве множества пережитков «старины». «Старина» нашла свое отражение прежде всего в том, что ранне-модерные государства, будучи собраны из территорий с разным уровнем социально-экономического, политического и культурного развития и, как следствие, разными традициями, «старинной», по своему внутреннему устройству напоминали «лоскутное одеяло» (Elliott, 1992: 48-71). Незрелость и слабость властной инфраструктуры, *sinews of power*, неизбежно вела к тому, что для того, чтобы организовать более или менее эффективное управление не только доменными землями монарха, но и всеми остальными, верховная власть вынуждена была искать некий компромисс между своими интересами и интересами местных элит. В результате на практике этот компромисс выражался в том, что, как отмечала К. Барки, верховная власть, стремясь сохранить управляемость входившими в подконтрольные ей владения землями, вынуждена была «разделять контроль с разнообразными опосредующими организациями и с местными элитами, религиозными структурами и органами местного управления, а также с другими многочисленными

привилегированными институтами» (Barkey, 2008: 10).

Такая ситуация в сфере управления неизбежно вела к тому, что верховная власть, по словам Н. Коллманн, была настолько связана необходимостью вести постоянные переговоры с местными сообществами для получения средств и осуществления контроля, что исследователи именуют ее суверенитет «многослойным», «разделенным» и «делегированным» (Kollmann, 2021: 3). В раннее Новое время, отмечала Л. Бентон. «суверенитет часто был больше мифом, чем реальностью, больше речами политиков о том, чем является их власть, но не ее реальными возможностями», и все потому, что в «политической сфере непрерывно воспроизводились нарушения: политики и субполитики сохраняли льготы и исключения из законодательства, юридически оформленную защиту их автономий, а субъекты и граждане добивались расширения или сохранения своих исключительных прав и привилегий» (Benton, 2010: 279). В результате для политической и административной сфер ранне-модерных государств «специфические формы неполного и частичного суверенитета были столь же обычны, как и акты коррупции, со всеми вытекающими отсюда далеко идущими политическими последствиями» (там же).

Эти далеко идущие политические последствия кратко обрисовал П. Шоню. По его словам, в XVII в. «государства принимают оптимальный размер <...> XVII век обеспечивает торжество государств над империями», поскольку «классическое государство, проигрывая в пространстве, выигрывает в глубине». Это означало, что «классические государства» «не стремятся добавить себе проблем присоединением новых территорий к другим плохо контролируемым территориям и учесть своих теоретически существующих подданных, обеспечивающих ему скорее дополнительные хлопоты, чем могущество» (Chaunu, 1966: 38-39). Не отказываясь на практике от империалистической политики (которая прини-

мают иные формы, не прямые, но косвенные, через выстраивание системы вассальных и патрон-клиентских связей или же баланса сил и интересов), эти государства главное внимание уделяют теперь организации более четкого и эффективного управления уже имеющимися территориями и контроля за населением. На смену «лоскутным», «составным» (*composite*) государствам «долгого XVI века» приходят военно-фискальные государства эпохи абсолютизма.

Этот переход был обусловлен теми проблемами, с которыми столкнулись раннемодерные монархии в деле организации эффективного и, главное, регулярного контроля за территориями и их населением, номинально находившимися под их властью. Отмеченные выше необходимость постоянных согласований верховной властью своих действий с мнением влиятельных местных элит и сохранение за ними немалых прав и привилегий, в том числе и во властной сфере (на местах в особенности) неизбежно вело к росту трений и противоречий между властью и местными элитами, между столицей и провинциями, между необходимостью внесения в существующую систему отношений изменений и стремлением сохранить все как есть. О.А. Дмитриева, анализируя ход парламентских дискуссий в елизаветинские времена между представителями королевской власти и коммонерами относительно финансирования расходов короны, в том числе на военные нужды, отмечала, что палата общин, обсуждая вотирование короне средств на ведение войны, исходя из традиционных представлений о том, что «пока ему [королевству] не угрожала опасность, корона в соответствии со средневековой доктриной таксации должна была обходиться собственными средствами, не посягая на имущественные права подданных, однако, в случае очевидной и признанной обществом угрозы, она с согласия парламента побуждала их внести свой вклад в дело защиты королевства» (Дмитриева, 2021: 850). Од-

нако, во-первых, «для власти основная проблема состояла не в том, чтобы получить согласие палаты общин на субсидии, а в том, чтобы собрать их в условиях нежелания общества платить налог и прочие взносы на военные нужды». Во-вторых, «другой стороной этой проблемы была неадекватность вотируемых парламентом сумм потребностям короны». И хотя английский «истеблишмент» елизаветинской эпохи выступал за активную, если не сказать агрессивную политику по отношению к Испании, палата общин отнюдь не торопилась полностью профинансировать корону для успешной реализации именно такой политики. Больше того, «разрыв между максимальными суммами, которые был готов даровать парламент, и минимальными потребностями воюющего государства неуклонно расширялся в последние годы правления Елизаветы» (Дмитриева, 2021: 851).

Подобного рода ситуация была «привилегией» не только одной лишь Англии. С трудностями столкнулись, к примеру, Карл V, а затем его сын Филипп II в отношениях с нидерландскими элитами и местными представительными органами. Активная внешняя политика Габсбургов, требовавшая колоссальных расходов, не могла не вызвать стремления верховной власти задействовать финансовые ресурсы Нидерландов для противостояния с главным противником Империи – Францией. Однако, как отмечал Дж. Израэль, «Штаты Голландии традиционно придерживались точки зрения, что конфликт с Францией никоим образом их не касается», а потому местный «истеблишмент» полагал чем дальше, тем в большей степени – «император использует Нидерланды в качестве своего главного стратегического бастиона и источника ресурсов, преследуя цели, которые были жизненно важны для него, но имел мало общего с интересами Нидерландов (курсив мой. – Т.П.)...» (Израэль, 2018: 149). Попытки верховной власти усилить налоговый пресс привели к тому, что местные элиты север-

ных провинций Нидерландов дружно выступили против императора Карла V, обвиняя его в том, что он нарушает условия компромисса, на которых они согласились признать его своим сюзереном (Израэль, 2018: 150). Разрешить конфликт не удалось, в дальнейшем он только нарастал, пока не вылился в открытое противостояние и 80-летнюю войну между Испанией и семью северными провинциями Нидерландов, будущей Голландской республикой.

Однако даже там, где как будто восторжествовал абсолютизм, во Франции, финансовые проблемы при *Ancien Régime* не были решены. Причиной тому, как отмечали Д.Ю. Бовыкин и А.В. Чудинов, было все то же несоответствие существенно выросших в условиях военной революции, обусловленной переменами в тактике и стратегии европейских армий в связи с внедрением в военную практику пороха и огнестрельного оружия (О военной революции см., напр., (Roberts, 1967: 195-225)), запросов короны с возможностями старой, унаследованной от Средневековья системы налогообложения. «Отсюда и парадокс существования бедного государства в богатой стране, и постоянный дефицит средств» (Бовыкин, Чудинов, 2020: 15). Изменить же существующий порядок монархии не могли именно в силу институциональной слабости раннемодерных государств – в конечном итоге партикулярный интерес оказывался сильнее. Потребовались великие потрясения Великой Французской революции, чтобы эта ситуация была изменена.

Общий итог нам известен – как метко заметил П. Шоню, «лоскутные империи» были сменены «классическими государствами». Но не в случае с Россией, которая поэтапно сумела преодолеть трудности, с которыми не справились ни Испания, ни Франция, ни Османская империя (самый яркий пример «империи различий»), ни империя Габсбургов, и эволюционировать от «лоскутной империи» последних Рюриковичей в военно-фискальное государство-империю не на словах, но на деле. Причины успеха

России там, где другие претенденты на имперский статус были вынуждены отступить, на наш взгляд, заключаются в следующем.

Для начала еще одно важное наблюдение, сделанное академиком Н.Н. Покровским. В предисловии к работе Ю.Г. Алексеева об Иване III и его эпохе он писал, что «власть эта [Ивана III] была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве», поскольку «система власти [в Русском государстве] базировалась не на единственном понятии “государство”, а на двух понятиях – “государство” и “общество”, на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними». По обоснованному мнению историка, «центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины-миры, служилые корпорации-«города» и пр. – Т.П.). Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны...» (Алексеев, 1991: 5-6).

Нетрудно заметить, что наблюдения, сделанные Н.Н. Покровским относительно характера взаимодействия между властью и обществом (естественно, его верхушкой, но опиравшейся при этом на развитую сеть горизонтальных и вертикальных социальных связей) в молодом Русском государстве (и эти его выводы получили развитие в работах других отечественных историков (Аракчеев, 2014; Бовыкин, 2012) и др.) совпадают в общем и в целом с теми выводами, которые были сделаны специалистами, исследовавшими на протяжении последних десятилетий особенности развития раннемодерных государств. Европейские и азиатские государства «долгого XVI века», не обладая развитой и совершенной властной инфраструктурой, были вынуждены взаимодействовать с местными сообществами, что создавало в итоге серьезные проблемы

в том случае, если интересы власти расходились с партикулярным интересом отдельных сообществ. Эти противоречия, по большому счету, и поставили крест на истории «лоскутных империй» раннего Нового времени. Тем не менее, активное участие местных сообществ и элит в управлении государством (как минимум, на местном уровне) и необходимость верховной власти договариваться с «лутчими людьми» не мешали России (в отличие от той же Испании), не только стать «лоскутной империей» в «долгий XVI век», но и сохранить имперский статус позднее.

И снова длинная цитата – на этот раз одного из крупнейших специалистов по русскому раннему Новому времени, Ю.Г. Алексеева. В одной из своих работ он писал о том, что раннемодерное Русское государство «можно назвать *земско-служильным* – русским вариантом централизованной монархии позднего средневековья». Характеризуя сущность этого государства, историк подчеркивал, что «*реальной основой этого государства явились служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России*», но еще более важной его особенностью было то, что «*обязанность государственной службы, т. е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстоять независимость и целостность России, с другой же стороны – патернализмом как основной формой отношений между главой государства и его подданными*». Этот патернализм, указывал Алексеев, «не укладывается в категории политического и юридического мышления XIX–XX вв. с его повышенным рационализмом и формализмом (вот где сказались отсутствие на Руси той самой римской прививки, о которой писал В.М. Живов. – *Т.П.*)...». Как результат, «*в силу патерналистского характера политического сознания в России не было и не*

могло быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье. Отсутствие договорных отношений было не проявлением “бесправия”, “восточного деспотизма”, а высшей степенью доверия между властью и народом – тем морально-политическим единством, которое обусловило сохранение Россией ее государственного единства, независимости и самого ее существования (курсив мой. – Т.П.)...» (Алексеев, 2001: 431-433).

Итак, земско-служилое государство, основанное на служилых отношениях и концепте службы (причем этот концепт касался всех сверху донизу, от последнего мужика до самого государя) и патернализме – государь суровый и строгий «отец» для своих подданных, а они – его «дети» (случайно ли посадские люди и крестьяне в челобитных на имя государя называли себя его «сиротами»? «Отец» ожидал от своих «детей» верной службы и повиновения, а «дети», свою очередь, заботы со стороны «отца». «Его [государя] обязанностью было защищать подданных от врагов на войне и оказывать им благодеяния», – писала Н. Коллманн, – «он должен был покровительствовать церкви, кормить бедных и быть внимательным к тяготам своего народа; от него ожидали, что он будет восстанавливать справедливость и подавать всем пример нравственной жизни» (Kollmann, 2012: 417). Его власть носила в значительной степени неформальный характер и покоилась на удовлетворенности общества, «земли» тем, как «царь-батьюшка» исполняет свою часть «общественного договора» – в противном случае в действие вступала триединая формула народного недовольства, артикулированная В. Кивельсон – «совет, челобитная, недовольство, бунт» (Kivelson. 2002: 474), причем верховная власть молчаливо признавала за «землей» право на открытое возмущение. Но если государь соответствовал представлениям «земли» об истинном,

«прямом» правителе, то он мог рассчитывать на поддержку и верность своих подданных даже в самых сложных условиях. В этом отношении характерно правление Ивана IV – после того, как в Москве отбывали в июне 1547 г. масштабные народные волнения, сопровождавшиеся убийствами и погромами тех, кого посадские люди подозревали в лихоимстве и прочих злодеяниях, остальное время правления грозного царя прошло спокойно, «земля» более не подвергала сомнению царские прерогативы. Больше того, в 1565 и 1566 гг. она выдала ему кредит доверия, поддержав введение опричнины и продолжение Полоцкой войны с Великим княжеством Литовским.

Конечно, в условиях, когда Русское государство развивалось, как и прочие раннемодезные политии, эволюционным путем, пережитки времен удельной старины еще долго давали о себе знать, и партикулярные интересы никуда не исчезали, оказывая порой определенное политическое влияние на действия верховной власти (Шапошник, 2006: 334-337, 340-343). Однако *служебные отношения и «кредит доверия», выданный обществом «прямому» государю, позволял справиться (хотя и не без издержек) с подобно рода проблемами и не только обеспечить, но и поддерживать длительное время необходимый уровень мобилизации ресурсов для ведения войны и осуществления экспансии, причем сразу на 2,5 «фронтах» – «западном» (литовском), «южном» (крымском) и в Поволжье (где «пацификация» завоеванного Казанского ханства потребовала немалых усилий, трат и времени), – и все это на протяжении более чем трех десятилетий. Уровень напряжения, сравнимый только с испанским, но без золота и специй обеих Индий.*

Касаясь генезиса служилых отношений и того самого патернализма, отметим, что, на наш взгляд, их появление и сохранение на протяжении длительного времени

было обусловлено общей архаичностью и традиционностью всей системы социальных связей и отношений в русском обществе в эпоху Средневековья и Нового времени. Еще раз подчеркнем: Россия что в XIV, что в XV, что в XVI и в последующие столетия, оставалась аграрным обществом «Первой волны» со всеми присущими ему признаками и характерными чертами. И если на Западе эта архаика была сильно размыта еще в Средневековье развитием городской культуры и влиянием «римской прививки» (во всех ее проявлениях), то в Русской земле – нет. Эта архаичность, консервативность всей социальной системы способствовали формированию эффективных мобилизационных механизмов, причем механизмы работали, опираясь на поддержку и содействие «снизу», ибо, в силу своей бедности, Русское государство в еще меньшей степени, чем страны Западной Европы, обладало соответствующей инфраструктурой власти. В результате эффективное решение стоящих пред властью проблем (размеры и сложность которых только нарастали со временем) было бы невозможно без согласия на это «земли». В ситуации, когда вставал вопрос о том, что важнее, первостепеннее, «прибытки торговые» или же «государская голова, честь и в землях прибыли», выбор «землей» делался в пользу последнего.

Однако не только формирование и развитие институтов земско-служилого государства на протяжении нескольких столетий обеспечило завоевание и сохранение за Россией статуса империи и великой державы. Не менее важной причиной этого было периферийное положение России по отношению к центрам политической, экономической и культурной активности и экспансии в Европе. На это обращал внимание, к примеру, П. Кеннеди в нашумевшей книге «Взлеты и падения великих держав» (Kennedy, 1987: 15) (любопытно, что И. Валлерстайн видел в этой периферийности России несомненный плюс, но с точки

зрения экономики и складывания раннемо-дерной мир-экономики (Валлерстайн, 2015: 389)).

С военной и геополитической точек зрения эта периферийность России давала ей существенные преимущества перед той же Испанией. П. Кеннеди отмечал, что «в Европе существовало несколько экономических и военно-политических центров», так что «ни один “новый монарх” не мог бы расширить свои владения, не возбудив у соперников желания сделать то же самое», причем все они находились в примерно равных условиях и «никто <...> не мог вырваться вперед и захватить власть на всем континенте» (Kennedy, 1987: 21-22). Сосредоточенные на борьбе за влияние в Европе ведущие европейские монархии, Габсбурги, Валуа-Бурбоны, Тюдоры-Стюарты и пр., не обращали внимания на события, которые происходили на периферии субконтинента. В результате, пока они истощали взаимно силы друг друга в погоне за имперским статусом и господством в регионе, Москва, овладев в конце XV – начале XVI в. «пороховыми» технологиями и имея более эффективную государственную машину, способную лучше мобилизовать скудные ресурсы, чем это могла сделать, к примеру, Литва, получила свой шанс и сполна использовала его. Используя возможности земско-служилого государства и архаизированную социальную структуру, а вместе с ними и слабую заинтересованность европейских держав в событиях на востоке субконтинента (показательна в этом случае беззубая и вялая реакция той же Священной Римской империи на вторжение России в Ливонскую конфедерацию в 1558 г.), Россия сумела пережить болезненный процесс трансформации раннемо-дерного государства в модерное, который растянулся на пару столетий. К исходу раннего Нового времени (напомним, что мы исходим из того, что раннее Новое время завершается в начале Великой Французской революции) она, нарастив *sinews of*

power и добавив к этому ресурсы, захваченные в результате успешной экспансии на периферии субконтинента, она стала империей и великой державой не на словах, а на деле. И фраза, приписываемая канцлеру Екатерины II А.А. Безбородко, «не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела», в известной степени подвела успешный итог длившейся три столетия борьбы России за имперский статус и звание «великой державы».

Литература

- Аверинцев, С.С. Другой Рим. СПб.: Амфора, 2005. 364 с.
- Алексеев, Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.
- Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.
- Аракчеев, В.А. Власть и «земля» Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.
- Бовыкин, В.В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.
- Бовыкин, Д.Ю. Чудинов, А.В. Французская революция. М.: Альнина нон-фикшн: Постнаука, 2020. 468 с.
- Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.
- Груша, А.И. Кризис доверия? Появление и утверждение документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI в.) М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 608 с.
- Джонсон, А., Эрл, Т. Эволюция человеческих обществ: От добывающей общины к аграрному государству. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с.
- Дмитриева, О.В. Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI – начала XVII в. М.: Квадрига, 2021. 1112 с.
- Домников, С.Д. Мать земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетей, 2002. 672 с.

- Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
- Израэль, Дж. Голландская республика. Ее подъем. Величие и падение. 1477-1806. Т. I. 1477-1650. М.: Клио, 2018. 608 с.
- Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: сб. обзоров и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2019. 180 с.
- Коллманн, Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.
- Коллманн, Н.С. Россия и ее империя. 1450-1801. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 783 с.
- Леви-Стросс, К. Неприрученная мысль // К. Леви-Стросс. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. С. 143-501.
- Макаров, Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 5-11.
- Очерки демографической истории России XI–XXI века. Т. II. XVI–XVII века. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 624 с.
- Петров, К.В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 365-382.
- Салинс, М. Бедняк, богач, бигмен, вождь: политические типы в Меланезии и Полинезии // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 18-41.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
- Смирнов, А.А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 34-38.
- Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. Т. 13 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. VII. М.: Мысль, 1991. 708 с.
- Фенелл, Дж. Кризис Средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 296 с.
- Цатурова, С.К. Судьбы проекта *État moderne* в России (заметки участника конференции) // Средние века. Вып. 80 (1). М., 2019. С. 112-121.
- Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
- Чернов, С.З. Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII–XV веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.: Наука, 2008. С. 16-30.
- Шапошник, В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. 569 с.
- Barkey, K. *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge, Cambridge University Press. 2008. 342 p.
- Bartlett, R. *The Making of Europe. Conquest, Colonization and Cultural Change 950-1350*. London: Penguin Books Ltd., 1993. 432 p.
- Benton, L. *A Search for Sovereignty. Law and Geography in European Empires, 1400–1900*. Cambridge – New York, Cambridge University Press, 2010. 340 p.
- Brewer, J. *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*. London, Unwin Hyman, 1989. 253 p.
- Chaunu, P. *La Civilisation de l'Europe classique*. Paris: Arthaud, 1966. 708 p.
- Cherniavsky, M. Ivan the Terrible as Renaissance Prince // *Slavic Review*, Jun., 1968. Vol. 27. No. 2 (Jun., 1968). P. 195-211.
- Clanchy, T.M. *From Memory to Written Record. England 1066-1307*. Oxford: Blackwell Publishers, 1993. 407 p.
- Elliott, J.H. A Europe of Composite Monarchies // *Past & Present*. 1992. No. 137. The Cultural and Political Construction of Europe. Pp. 48-71.
- Franklin, S. *Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 325 p.
- Kennedy, P. *The rise and fall of the great powers / Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House, 1987. 677 p.
- Kivelson, V. Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom // *The Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. No. 3. Pp. 465-489.
- Kollmann, N.S. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 504 p.
- Kollmann, N.S. *The Russian Empire. 1450–1801*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 497 p.

Lietuvos Metrica. Kn. № 6 (1494-1506). Vilnius: LII Leydikla, 2007. 516 p.

Roberts, M. The Military Revolution, 1560-1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1967. Pp. 195-225.

Tilly, Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. Oxford, Basil Blackwell, 1990. XI. 269 p.

References

Alekseev, Yu. G. (1991), *Gosudar vseya Rusi* [Sovereign of all Rus'], Nauka Novosibirsk, Russia (in Russ.).

Alekseev, Yu. G. (2001), *Sudebnik Ivana III. Traditsiya i reforma* [Sudebnik of Ivan III. Tradition and reform], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Arakcheev, V. A. (2014), *Vlast i «zemlya» Pravitelstvennaya politika v otnoshenii tyaglykh sosloviy v Rossii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka* [Power and "land" Government policy towards taxable estates in Russia in the second half of the 16th - early 17th centuries], Drevlekhranilishche, Moscow, Russia (in Russ.).

Averintsev, S. S. (2005), *Drugoy Rim* [Another Rome], Amfora, St. Petersburg Russia (in Russ.).

Barkey, K. (2008), *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*, Cambridge University Press, Cambridge.

Bartlett, R. (1993), *The Making of Europe. Conquest, Colonization and Cultural Change 950-1350*, Penguin Books Ltd., London, UK.

Benton, L. (2010), *A Search for Sovereignty. Law and Geography in European Empires, 1400–1900*, Cambridge University Press, Cambridge, New York.

Bovykin, V. V. (2012), *Mestnoe samoupravlenie v Russkom gosudarstve XVI v.* [Local self-government in the Russian state of the XVI century], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Bovykin, D. Yu. and Chudinov, A. V. (2020), *Frantsuzskaya revolyutsiya* [French revolution], Alpina non-fikshn, Postnauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Brewer, J. (1989), *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*, Unwin Hyman, London, UK.

Chaunu, P. (1966) *La Civilisation de l'Europe classique* [The Civilization of Classical Europe], Arthaud, Paris, France.

Cherniavsky, M. (1968), "Ivan the Terrible as Renaissance Prince", *Slavic Review*, June, 27 (2), 195-211.

Chernov, S. Z. (2008), "Micro-regional studies of rural Rus' in the 13th-15th centuries as a form of conjugated study of archaeological and written sources: opportunities, problems, prospects", *Selskaya Rus v IX – XVI vekakh* [Rural Rus'], Nauka, Moscow, Russia, 16-30 (in Russ.).

Clanchy, T. M. (1993), *From Memory to Written Record. England 1066-1307*, Blackwell Publishers, Oxford, UK.

Dmitrieva, O. V. (2021), *Parlament i politicheskaya kultura Anglii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII v.* [Parliament and political culture of England in the second half of the 16th - early 17th centuries], Kvadruga, Moscow, Russia (in Russ.).

Domnikov, S. D. (2002), *Mat zemlya i Tsar-gorod. Rossiya kak traditsionnoe obschestvo* [Mother Earth and Tsar City. Russia as a traditional society], Aleteya, Moscow, Russia (in Russ.).

Elliott, J. H. (1992), "A Europe of Composite Monarchies in Past & Present", *The Cultural and Political Construction of Europe*, 137, 48-71.

Fennel, D. (1989), *Krizis Srednevekovoy Rusi. 1200-1304* [Crisis of Medieval Rus'], Progress Moscow, Russia (in Russ.).

Franklin, S. (2004), *Writing, Society and Culture in Early Rus, 950-1300*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Grusha, A. I. (2019), *Krizis doveriya? Poyavlenie i utverzhdenie dokumenta v Velikom Knyazhestve Litovskom (konets XIV – pervaya tret' XVI v.)* [Crisis of confidence? The appearance and approval of the document in the Grand Duchy of Lithuania (the end of the 14th - the first third of the 16th century)], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Imperskiy povorot v izuchenii istorii Rossii: Sovremennaya istoriografiya: sbornik obzorov i referatov [The Imperial Turn in the Study of Russian History: Modern Historiography: collection of reviews and abstracts]. (2019), RAN INION, Moscow, Russia (in Russ.).

Izrael, D. (2018), *Gollandskaya respublika. Ee podiem. Velichie i padenie. 1477-1806* [Dutch Republic. Her rise. Greatness and fall. 1477-1806], Vol. I. 1477-1650, Klio, Moscow, Russia (in Russ.).

Johnson, A. and Erl, T. (2017), *Evolyutsiya chelovecheskikh obschestv: Ot dobyvayushey obschiny k agrarnomu gosudarstvu* [Evolution of Human Societies: From Extractive Community to Agrarian State], Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Kennedy, P. (1987), *The rise and fall of the great powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, Random House, New York.

Kivelson, V. (2002) “Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom” *The Journal of Modern History*, 74 (3), 465-489.

Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Kollmann, N. (2016), *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and Punishment in Early Modern Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Kollmann, N. (2023), *Rossiia i ee imperiya. 1450-1801* [Russia and its empire. 1450-1801], Academic Studies Press / Bibliorossika, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Kollmann, N. S. (2017), *The Russian Empire. 1450–1801*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Levi Stross, K. (2008), “The Wild Thought” (“La Pensée sauvage”), *Totemizm segodnya. Nepriuruchennaya mysl* [Totemism today. The Wild Thought (Totémisme aujourd’hui. La Pensée sauvage)], Akademicheskiiy proyekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Lietuvos Metrica [Lithuanian Metrica] (2007), 6 (1494-1506), LII Leydikla, Vilnius, Lithuania.

Makarov, N. A. (2003), “Rus’ in the XIII century: the nature of cultural changes”, *Rus v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni* [Rus’ in the XIII century: Antiquities of the Dark Age], Nauka, Moscow, Russia, 5-11 (in Russ.).

Ocherki demograficheskoy istorii Rossii XI–XXI veka. T. II. XVI–XVII veka [Essays on the demographic history of Russia in the 11th – 21st centuries] (2022), Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Petrov, K.V. (2008), “Did the Sudebnik of 1497 have the meaning of law in its modern sense? (Regarding the article by S.N. Kisterev “The Grand-Ducal Sudebnik of 1497 and the judicial practice of the first half of the 16th century””, *Ocherki feodalnoy Rossii. Vypusk 12*. [Essays on feudal Russia. Issue 12], Alyans-Arkheo, St. Petersburg, Russia, 365-382 (in Russ.).

Roberts, M. (1967), “The Military Revolution, 1560-1660”, *Essays in Swedish*

History. Weidenfeld and Nicolson, London, 195-225, UK.

Salins, M. (2018), “Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief; Political Types in Melanesia and Polynesia”, *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], 1, 18-41 (in Russ.).

Severny Kavkaz v sostave Rossiyskoy imperii [The North Caucasus as part of the Russian Empire] (2007), Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Shaposhnik, V. V. (2006), *Tserkovno-gosudarstvennye otnosheniya v Rossii v 30– 80-e gody XVI veka* [Church-State Relations in Russia in the 30s - 80s of the 16th century], Publishing house of Saint-Petersburg university, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Smirnov, A. A. (1994), “The State of the Fighting Nation” *Rodina*, 9, 34-38 (in Russ.).

Soloviev, S. M. (1991), “History of Russia since ancient times”, Vol. 13, *Sochineniya v vosemnadtsati knigakh* [Essays in eighteen books], Book VII, Mysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Tilly, Ch. (1990), *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990*, Basil Blackwell, Oxford, UK.

Tsaturova, S.K. (2019), “The fate of the État moderne project in Russia (notes of a conference participant)”, *Srednie veka* [Middle Ages], 80, (1), Moscow, Russia (in Russ.), 112-121 (in Russ.).

Tsentralnaya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii [Central Asia within the Russian Empire] (2008), Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow (in Russ.).

Vallersteyn, I. (2015), *Mir-sistema Moderna. T. I. Kapitalisticheskoe selskoe khozyaystvo i istoki evropeyskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century], Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia (in Russ.).

Zapadnye okrainy Rossiyskoy imperii [Western outskirts of the Russian Empire] (2006), Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskaya@bsu.edu.ru